

DOI: 10.12731/2218-7405-2014-8-15
УДК 316.613

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ФУНКЦИОНАЛИЗМ О СОЦИАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ РЕЛИГИИ В КОРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Ставропольский Ю.В.

В статье рассматривается отношение к религии в Корее. Вслед за М. Вебером, который важную роль в развитии капитализма придавал религии, западная социология считает религию важнейшим элементом человеческих отношений и поступков. Корейских социологов вопросы религии не интересуют, в корейских социологических исследованиях объяснительная способность религиозных переменных слаба. Иными словами, роль религии в корейском обществе нисколько не сопоставима с ролью христианства в западных обществах. Нормативное ядро личности в корейской культуре образовано конфуцианскими ценностями и установками. Следовательно, в повседневном поведении и в социальных отношениях отражаются те нормативные ориентации, которые давным-давно стали частью корейской культурной традиции, сложившейся в эпоху Чосон под сильнейшим влиянием конфуцианской идеологии. Этим и объясняется относительно ничтожное влияние религии на среднего корейца в повседневной жизни. Представляется, что именно функционализм, который сегодня принято считать устаревшей западной социологической парадигмой, предлагает наиболее реальное объяснение одной из интереснейших характерных особенностей корейского общества, связанной с социальными функциями религии.

Ключевые слова: социологический; функционализм; социальный; функция; религия; Корея.

SOCIOLOGICAL FUNCTIONALISM ON THE SOCIAL FUNCTION OF RELIGION IN THE KOREAN CULTURE

Stavropolsky Yu.V.

The feature considers an attitude towards religion in Korea. In the wake of M. Weber who attributed a significant role in the capitalist development to religion, the Western sociology

treats religion as a principal element of the human relations and behaviour. Korean sociologists are not occupied with the religious issues, in the Korean sociological research an explanatory capability of the religious variables is faint. Otherwise stated, the role of religion in the Korean society is near nowhere to come in comparison with the role of Christianity in the Western societies. The normative core of personality in the Korean culture has been established by the Confucian values and attitudes. Consequently, daily behaviour and social relations reflect the normative orientations which had long ago become immanent to the Korean cultural tradition shaped in the Joseon age under the most forceful impact of the Confucian ideology. This is explanatory to the relatively low influence of religion upon an average Korean in everyday life. Presumably it is precisely functionalism though the practice is to treat it as an obsolete Western sociological paradigm which offers the most virtual explanation to one of the most specific peculiarities of the Korean society related to the special functions of religion.

Keywords: *sociological; functionalism; social; function; religion; Korea.*

Проблема этнокультурной релевантности социологического знания, высвобождения из-под влияния западной социологии и построения такой системы знания, которая обладает релевантностью применительно к специфическим условиям Кореи, находится во главе угла корейской социологической науки. Само название первого ежегодного съезда Корейской ассоциации теоретической социологии «Создание корейской социологической теории: преодоление колониальной зависимости от западных теорий» ясно указывает на то, в каком ключе воспринимается рассматриваемая проблема [10]. Например, большинство радикально настроенных корейских социологов считают, что социологический функционализм искажает понимание неамериканских социальных условий.

Каковы отличительные особенности корейского общества [5], требующие развития системы знания, более приспособленной к самобытным условиям? Вспомним о том, насколько важную роль в развитии капитализма придавал религии М. Вебер, вслед за которым западная социология считает религию важнейшим элементом человеческих отношений и поступков. Корейских социологов вопросы религии не интересуют, в корейских социологических исследованиях объяснительная способность религиозных переменных слаба [3]. Иными словами, роль религии в корейском обществе несколько не сопоставима с ролью христианства в западных обществах [7]. Следует ли из этого, что западные социологические теории неприменимы в Корее, что Корее требуется особая социологическая теория? Можно предложить следующее объяснение.

Для социологии представляет интерес сам факт того, что династия Чосон избрала неоконфуцианство в качестве государственной идеологии, когда уже существовали буддизм и иные религиозные формы [4]. Но конфуцианские элиты смотрели на них косо, считая, что они несовместимы с системой ценностей конфуцианства [12]. В XII веке Чен До Чжон (Cheong Do-jeon) сыграл главную роль в создании идеологической и институциональной основы династии Чосон. В его «Сочинении о буддизме» («Bulssijabbyon») последовательно изложены доводы, аргументирующие непреодолимость различий между конфуцианством и буддизмом [14], сформировавшие официальную антибуддистскую политику династии Чосон: уменьшение числа буддистских храмов, введение системы лицензирования, ограничившей количество монахов, ограничение размеров монастырских земельных угодий и т.п. В результате буддизм, процветавший при династии Корё, хотя и сохранился, но пережил регресс [1].

В правление династии Чосон люди молились различным божествам и сверхъестественным существам, в надежде облегчить свои заботы и исполнить свои желания. Конфуцианство оставляло нереализованной религиозную функцию, поэтому нуждалось в дополнении религиозными практиками. В этой связи возникает вопрос о том, удавалось ли избегать конфликтов, связанных с аккомодацией неконфуцианских религиозных элементов в общество, сформированное конфуцианскими интеллектуалами. Прежде всего, необходимо принять во внимание, что конфуцианский учёный [9], без каких-либо исключений, всегда был мужчиной и патриархальной главой семьи [8]. Его положение учёного и, если повезёт, придворного при королевском дворе, определяло его социальный статус и престиж в глазах всего семейства – он был главой семьи в буквальном смысле [15]. Отсюда естественным образом следовало, что он избегал риска утратить престиж и уважение, который неизбежно возникал в случае участия в неконфуцианских практиках. Поэтому он и его семейство оказывались вынуждены реагировать на горестные события в жизни в соответствии со строгими правилами поведения, предписанными конфуцианской этикой.

С другой стороны, в эпоху династии Чосон женщины, дети и другие люди, не имевшие высокого общественного статуса, рассматривались в качестве низшего социального класса. Низкий общественный статус предписывал женщинам выполнение таких задач, которые не считались важными делами, в сравнении, скажем, с учением Конфуция: взаимодействие с внешним миром и проведение формальных ритуалов, согласующихся с этическим кодексом конфуцианства. Резонно предположить, что женщины, в силу своего низкого статусного положения, представляли собой удобный канал реализации функциональной потребности в поиске божественной помощи у неконфуцианских божеств и сверхъестественных существ. Муж-

чина в качестве главы семьи выполнял ту деятельность, которая была институционально санкционирована, а женщины исполняли религиозные функции, нереализованные главой семейства, который демонстративно дистанцировался от любых неконфуцианских религиозных практик. Подобное внутрисемейное разделение труда представляется функциональным как минимум в трёх аспектах. Прежде всего, устанавливалось распределение функций внутри семейной группы, каждый член которой вносил свой вклад в общее благосостояние. Во-вторых, поскольку статус семейства определялся мужчиной, то участие женщин, не обладавших высоким статусом, в институционально несанкционированных церемониях, не могло повредить семейному статусу [6]. В-третьих, поскольку неконфуцианские ритуалы отправлялись теми, кто не обладал высоким статусом, тем самым закреплялись превосходство конфуцианских интеллектуалов и сложившаяся система стратификации.

Данное объяснение позволяет ответить на два вопроса. Во-первых, исторические летописи свидетельствуют о том, что посещали буддистские храмы и приносили жертвоприношения монахам главным образом женщины, представители низших сословий и, что интересно, члены королевской фамилии. Ответ на вопрос почему практически дан в вышеприведённом объяснении. Вообще, подобного рода поведение характерно для тех людей, которые исключены из статусной конкуренции либо из вертикальной социальной мобильности, и поэтому не озабочены возможностью уронить свой престиж участием в неподобающих религиозных церемониях. Известно, что существует общая тенденция, в соответствии с которой уровень конформности по отношению к стандартным нормам наивысший у тех, кто обладает наибольшими возможностями для вертикальной социальной мобильности и стремится к ней [13].

Во-вторых, в эпоху династии Чосон и даже в современной Корее религия выполняет прежде всего функцию «gibok» (молитва об исполнении желаний), но не нормативную функцию, что также понятно из вышеприведённого объяснения. В эпоху Чосон функция религии была главным образом комплиментарной по отношению к функционально ограниченному конфуцианству, тогда как нормативная система полностью подчинялась учению Конфуция. На взгляд конфуцианских интеллектуалов, вера в сверхъестественные силы была ересью, от которой они стремились держаться подальше. Разумеется, в жизни самого преданного конфуцианца могли происходить события, в которых он чувствовал себя бессильным, но религия не обладала нормативной функцией и была с ней несовместима.

Антирелигиозная ориентация, сложившаяся в эпоху династии Чосон, определила последнее развитие корейской культуры до нашего времени. В современной Корее религия не оказывает определяющего воздействия на нормативные ориентации, ограничиваясь функци-

ей «gibok». При этом, между корейцами, исповедующими буддизм, христианство, языческие культы и атеистами практически не отмечается различий по отношению к системе норм и ценностей конфуцианства. Иными словами, несмотря на различия в вероисповедании, нормативное ядро личности в корейской культуре образовано конфуцианскими ценностями и установками. Следовательно, в повседневном поведении и в социальных отношениях отражаются те нормативные ориентации, которые давным-давно стали частью корейской культурной традиции, сложившейся в эпоху Чосон под сильнейшим влиянием конфуцианской идеологии. Этим и объясняется относительно ничтожное влияние религии на среднего корейца в повседневной жизни.

Мы увидели, что в изолированном от Запада культурном регионе, в то время не подверженном западному колониальному влиянию, сформировался уникальный социальный феномен – господство конфуцианства над религиозными верованиями. Предложенное объяснение является типично функционалистским, за его основу взята работа К. Дэвиса [2]. Представляется, что именно функционализм, который сегодня принято считать устаревшей западной социологической парадигмой, предлагает наиболее реальное объяснение одной из интереснейших характерных особенностей корейского общества, связанной с социальными функциями религии [11].

Этот кейс служит проверке рациональности заявлений о том, что западные социологические теории не пригодны для объяснения уникальных феноменов в иных культурных регионах. Если вышеприведённое объяснение того, каким образом религия в эпоху Чосон утратила свою нормативную функцию и ограничилась лишь функцией «gibok», представляется приемлемым, значит, тезис о том, что западные социологические теории не пригодны для объяснения уникальных явлений в иных культурных регионах, утрачивает достоверность. Следовательно, требование натурализации корейской социологии преждевременно и заслуживает более глубокого осмысления.

Список литературы

1. Бем В.Й., Хо Л.Б. История корейской буддийской культуры и эссе: Буддийская Чистая земля и христианское Царство небесное. – Сеул: Чжимундан, 1992. 197 с.
2. Дэвис К. Миф о функциональном анализе как об особом методе социологии и антропологии // Эмерикен Сосиолоджикл Ривью, 1959. № 10 (Декабрь).
3. Ким Д.У. История религий в Корее. – Сеул: Дэчжи Мунва-са, 1988. 487 с.

4. Курбанов С.О. История Кореи: с древности до начала XXI в. – СПб.: Изд-во С.-Петерб.ун-та, 2009. 680 с.
5. Ланьков А. Два источника и две составные части корейского национализма // Русский Журнал / Политика / www.russ.ru/politics/20020918-lan.html (дата публикации: 18 сентября 2002).
6. Ли Б. Женщины в корейской истории. – Сеул: Издательство Эванского женского университета, 2008. 319 с.
7. Нам А.К. Введение в корейскую историю и культуру. – Элизабет: Холлим, 1993. 391 с.
8. Оккён Б. и др. Понимание корейской истории. – Сеул: Чжимундан, 2011. 313 с.
9. Парк С.Р. Наука и технология в корейской истории: экскурсии, инновации и проблемы. – Фремонт: Джейн, 2005. 313 с.
10. Создание корейской социологической теории: Преодоление колониальной зависимости от западных теорий. Материалы первого ежегодного собрания Корейской ассоциации теоретической социологии. – Тэчжун: Чаннамский национальный университет, 2001.
11. Религия в Корее. Корейская конференция по религии и миру. – Сеул: Министерство по культуре и туризму, 2003. 173 с.
12. Син Й. Современная корейская история и национализм. – Сеул: Чжимундан, 2000. 293 с.
13. Хоманс Дж. Социальное поведение: его элементарные формы. – Нью-Йорк: Хартокорт Брейс Йованович, 1974.
14. Цой Ч. Буддизм: Религия в Корее. – Сеул: Издательство Эванского женского университета, 2007. 177 с.
15. Чо В. Традиционная Корея, культурная история. – Сеул, 1972. 477 с.

References

1. Beom W.Y., Ho L.B. A History of Korean Buddhist Culture and Some Essays: the Buddhist Pure Land & the Christian Kingdom of Heaven. – Seoul: Jip Moon Dang, 1992. 197 p.
2. Davis K. The Myth of Functional Analysis as a Special Method of Sociology and Anthropology // American Sociological Review, 1959. No. 10 (December).
3. Kim D.W. A History of Religions in Korea. – Seoul: Daeji Moonwha-sa, 1988. 487 p.
4. Kurbanov S.O. *Istoria Korei: s drevnosti do nachala XXI v.* [History of Korea: since Ancient Time till Early XXI c.]. – Saint-Petersburg: Saint-Petersburg University Press, 2009. 680 p.

5. Lan'kov A. *Dva istochnika i dve sostavniye chasti koreiskogo natsionalisma* [Two sources & Two Constituting Parts of the Korean Nationalism] // *Russkii Zhournal* [Russian Journal] / *Politika* [Politics] / www.russ.ru/politics/20020918-lan.html _(accessed September 21, 2002).
6. Lee B. *Women in Korean History*. – Seoul: Ewha Womans University Press, 2008. 319 p.
7. Nahm A.C. *Introduction to Korean History and Culture*. – Elizabeth: Hollym, 1993. 391 p.
8. Okkyoung B. et al. *Understanding Korean History*. – Seoul: Jimoondang, 2011. 313 p.
9. Park S.R. *Science and Technology in Korean History: Excursions, Innovations, and Issues*. – Fremont: Jain, 2005. 313 p.
10. *The Making of Korean Sociological Theory: Beyond a Colonial Dependency on Western Theories. Proceedings for the 1st Annual Meeting of the Korean Association for Theoretical Sociology*. – Daejun: Chungnam National University, 2001.
11. *Religion in Korea. Korean Conference on Religion & Peace*. – Seoul: Ministry of Culture and Tourism, 2003. 173 p.
12. Shin Y. *Modern Korean History and Nationalism*. – Seoul: Jimoondang, 2000. 293 p.
13. Homans G. C. *Social Behavior: Its Elementary Forms*. – New York: Harcourt Brace Javanovich, 1974.
14. Choi J. *Buddhism: Religion in Korea*. – Seoul: Ewha Womans University Press, 2007. 177 p.
15. Cho W. *Traditional Korea, a Cultural History*. – Seoul, 1972. 477 p.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Ставропольский Юлий Владимирович, доцент кафедры гуманитарных наук, кандидат социологических наук

Энгельсский технологический институт (филиал) Саратовского государственного технического университета имени Ю.А. Гагарина

e-mail: StJulius@yandex.ru

SPIN-код в SCIENCE INDEX: 5655-5209

DATA ABOUT THE AUTHOR

Stavropolsky Yuliy Vladimirovich, associate professor of the Humanities' chair, Ph.D. in Sociological Science

*Engels' Technological Institute (branch) of Saratov State Technical University named after
Yu.A. Gagarin*
e-mail: StJulius@yandex.ru

Рецензент:

Муталимов А.Э., профессор кафедры этики и эстетики философского факультета, доктор социологических наук, Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского